



ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 208-АПУ19-8

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

22 августа 2019 г.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в составе
председательствующего Крупнова И.В.,
судей Замашнюка А.Н. и Сокерина С.Г.
при секретаре Лисицыной А.Г.

с участием прокурора отдела управления Главной военной прокуратуры Обухова А.В., переводчиков М [REDACTED] [REDACTED] и [REDACTED] осуждённых Юсупова Р.Ш. и Гримсултанова М.К. – путём использования систем видеоконференц-связи, защитников – адвокатов Герасимова О.Д., Гишкаева В.И. и Кулешова А.И. рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по апелляционным жалобам защитников осуждённых – адвокатов Решетника О.П. и Кулешова А.И. на приговор Дальневосточного окружного военного суда от 24 января 2019 г., согласно которому

Юсупов Руслан Шавкатович, [REDACTED]

[REDACTED]
[REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] ранее не судимый,

осуждён за совершение преступлений, предусмотренных

ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ), к лишению свободы на срок 7 лет,

ч. 1 ст. 222¹ УК РФ, к лишению свободы на срок 3 года с применением ст. 64 УК РФ без штрафа,

ч. 1 ст. 223¹ УК РФ, к лишению свободы на срок 4 года с применением ст. 64 УК РФ без штрафа,

а по их совокупности в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путём частичного сложения наказаний окончательное наказание ему назначено в виде лишения свободы на срок 11 лет в исправительной колонии строгого режима;

Гримсултанов Магомед Каимович, [REDACTED]

[REDACTED] ранее не судимый, осуждён за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205¹ УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ), к лишению свободы на срок 11 лет в исправительной колонии строгого режима.

По делу решены вопросы о мере пресечения, сроке отбывания наказания, процессуальных издержках, вещественных доказательствах.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Замашнюка А.Н., изложившего содержание приговора, существо апелляционных жалоб и возражений на них, выступления осуждённых Юсупова Р.Ш. и Гримсултанова М.К., защитников – адвокатов Герасимова О.Д., Гишкаева В.И. и Кулешова А.И., поддержавших доводы апелляционных жалоб, прокурора Обухова А.В., полагавшего необходимым приговор оставить без изменения, а апелляционные жалобы защитников без удовлетворения, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

установила:

по приговору суда признаны виновными и осуждены: Юсупов – за приготовление к совершению террористического акта, то есть к совершению взрыва, устрашающего население и создающего опасность гибели человека, с целью воздействия на органы власти Российской Федерации по прекращению политики, направленной на борьбу с терроризмом и религиозным экстремизмом как внутри страны, так и за её пределами; незаконное изготовление взрывчатого вещества и самодельного взрывного устройства; незаконное приобретение, перевозку и хранение взрывчатого вещества и взрывных устройств; Гримсултанов – за пособничество в совершении указанного террористического акта путём предоставления Юсупову информации по изготовлению взрывного устройства для этих целей.

Преступления Юсуповым и Гримсултановым совершены в г. Южно-Сахалинске с февраля по 23 апреля 2017 г. при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В апелляционных жалобах и дополнениях к ним защитники – адвокаты Кулешов А.И. и Решетник О.П., считая постановленный приговор незаконным, необоснованным и несправедливым, а выводы суда – не

соответствующими фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным в ходе судебного разбирательства, просят: адвокат Кулешов – приговор отменить и вынести в отношении Гримсултанова оправдательный приговор, адвокат Решетник – приговор изменить и назначить Юсупову наказание ниже низших пределов, предусмотренных санкциями инкриминируемых ему статей УК РФ.

В обоснование жалобы адвокат Кулешов указывает на ошибочную квалификацию действий Гримсултанова, как оконченного преступления, без ссылки на ст. 33 УК РФ, и отсутствие в связи с этим в приговоре момента окончания его преступных действий. Поскольку подготавливаемое Юсуповым преступление не было доведено до конца, то и Гримсултанов, в силу положений ч. 3 и 5 ст. 34 УК РФ, должен нести ответственность за неоконченное преступление.

Утверждает о нарушении права Гримсултанова на защиту во время предварительного следствия, поскольку в ходе проведения ряда следственных действий ему не предоставили переводчика, его заявления об отказе от такового исполнены в отсутствие защитника, под психологическим и физическим давлением, а процессуальные документы и все материалы дела не переведены на родной язык Гримсултанова.

В нарушение закона в приговоре из четырнадцати доводов, высказанных во время выступления адвоката Кулешова в прениях, дана оценка только двум его доводам, остальные оставлены без оценки.

К нарушениям уголовно-процессуального закона адвокат Кулешов относит и то, что суд первой инстанции ни одному из свидетелей не разъяснил право на ознакомление с протоколом судебного заседания и подачу на него замечаний, в связи с чем показания свидетелей в ходе судебного заседания и сам протокол судебного заседания являются недопустимыми доказательствами.

Несмотря на удовлетворение судом ходатайства государственного обвинителя об оглашении всех показаний Гримсултанова, данных в ходе предварительного следствия, не были оглашены протоколы его допросов от 5 ноября 2017 г. и 27 июня 2018 г., последний из которых Гримсултанов подтвердил в суде, что, по мнению защитника, является основанием к отмене приговора и возвращении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Автор жалобы обращает внимание на отказ суда в удовлетворении его ходатайства об ознакомлении с протоколом судебного заседания в той его части, в которой он был изготовлен, хотя в материалах проверки от 5 декабря 2019 г. в отношении должностных лиц ФСБ РФ протоколы судебного заседания на 19 листах были предоставлены должностному лицу следственного органа, что свидетельствует о нарушении судом принципов состязательности и равноправия сторон.

Суд неправомерно отказал стороне защиты в выдаче письменного подтверждения полномочий допущенного наряду с адвокатом защитника, необходимого для помощи адвокату в общении с подзащитным в следственном изоляторе.

Выражает несогласие с решением суда об ознакомлении участников уголовного судопроизводства с протоколом судебного заседания в здании Дальневосточного окружного военного суда в г. Хабаровске, хотя все они находятся в г. Южно-Сахалинске, где и проходило судебное разбирательство.

Вывод суда о том, что Гримсултанов был задержан 25 апреля 2017 г., противоречит материалам проверки из отдела полиции, согласно которым его задержали 24 апреля того же года. Протоколы задержания и допроса подозреваемого не могут быть признаны допустимыми доказательствами, поскольку в указанное в этих протоколах время Гримсултанов уже находился в изоляторе.

Адвокат Кулешов заявляет о том, что в силу требований ст. 299 УПК РФ суд первой инстанции не наделён правом самостоятельно квалифицировать деяние, а вправе лишь согласиться или не согласиться с квалификацией, предложенной обвинением. В приговоре суд не опроверг доводы стороны защиты, касающиеся неправильной квалификации содеянного Гримсултановым.

Полагая, что единственным доказательством причастности его подзащитного к совершению преступления является аудиозапись телефонных переговоров и сделанные на её основе стенограммы, защитник обращает внимание на то, что в ходе судебного разбирательства были исследованы фрагменты из 15 аудиофайлов, записанные на диск с неизвестного устройства. Вместе с тем, суд необоснованно отказал в удовлетворении ходатайств стороны защиты об истребовании из подразделения ФСБ РФ сведений о том, кем, когда и с какого устройства были сделаны записи на названный диск, о назначении по делу технической экспертизы для выяснения вопроса о наличии монтажа аудиозаписи, о признании данного и другого диска недопустимыми доказательствами. Из более 3 000 телефонных разговоров между фигурантами уголовного дела на диск записано только 15 разговоров, при полном прослушивании 3 из которых защитником установлено, что их длительность не соответствует длительности, указанной в детализации, предоставленной оператором сотовой связи, в связи с чем автор жалобы делает вывод об их монтаже.

Заключение комплексной психолого-лингвистической экспертизы является недопустимым доказательством, поскольку эксперты не являются специалистами в областях научных знаний, в которых было проведено исследование представленной им фонограммы и стенограммы разговоров осуждённых, в материалах дела отсутствуют подтверждающие это документы, экспертам не были разъяснены их процессуальные права. По итогам рассмотрения соответствующего ходатайства суд необоснованно отказал в его удовлетворении и не предоставил стороне защиты мотивированное решение по данному вопросу.

Ссылаясь на методические рекомендации Министерства юстиции РФ и Министерства внутренних дел РФ, защитник указывает, что перед проведением лингвистической экспертизы содержания аудиозаписи она в обязательном порядке должна быть исследована на предмет целостности,

подлинности и наличия монтажа, чего по настоящему делу не сделано. Заключение экспертов содержит пропуски и перестановки слов и фраз, а исследуемый экспертами текст смонтирован таким образом, что не позволяет понять, о чём идёт разговор, хотя эксперты сделали вывод, что собеседники что-то скрывают, нейтральные выражения расценили как разговоры о подготовке террористического акта. Эксперты Т [] и А [] в судебном заседании не смогли привести примеры разговоров фигурантов уголовного дела о терроризме, однако суд освободил их от дальнейшего участия в судебном заседании, что не позволяет признать подготовленное ими заключение допустимым доказательством. Вывод экспертов о том, что разговоры велись на тему радикального ислама, не относится к их компетенции, как преподавателей Сахалинского государственного университета, а содержание заключения, равно как поручение производства экспертизы именно указанным лицам при наличии в г. Южно-Сахалинске экспертных учреждений Министерства юстиции РФ и Министерства внутренних дел РФ, свидетельствуют об их заинтересованности, так как договоров между Управлением ФСБ РФ по Сахалинской области и Сахалинским государственным университетом на производство экспертиз не заключалось, а следователь не обращался в последнюю из названных организаций с поручением о проведении экспертизы.

Ставит вопрос перед судом апелляционной инстанции о признании недопустимым доказательством названного заключения экспертов.

Суд не привлёк к участию в деле в качестве специалиста муллу, который смог бы дать заключение о том, являлись ли беседы на религиозные темы радикальными и какого течения ислама придерживаются осуждённые, необоснованно отказав в удовлетворении соответствующего ходатайства защитника.

Считает нарушением уголовно-процессуального закона, что на момент удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора протокол судебного заседания не был изготовлен, в связи с чем суд не мог ссылаться в приговоре на показания подсудимых и свидетелей по делу и постановлять по делу приговор.

Суд не принял во внимание показания подсудимого Юсупова, исключившего участие Гримсултанова в подготовке им террористического акта.

Обращает внимание на то, что государственный обвинитель в прениях просил суд признать Гримсултанова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, а не частью 3 той же статьи УК РФ, что, по мнению адвоката Кулешова, является изменением обвинения в сторону смягчения и, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, служит основанием для принятия соответствующего решения судом, однако суд не учёл это мнение прокурора и вышел за рамки предъявленного обвинения в сторону ужесточения.

Не согласен с признанием в качестве обстоятельства, отягчающего наказание Гримсултанова, совершение им преступления по мотиву религиозной вражды, в той форме, как это предложил государственный обвинитель в прениях сторон.

В обоснование своей жалобы адвокат Решетник указывает, что обстоятельства, приведённые в приговоре при решении вопроса о назначении наказания, свидетельствуют о том, что Юсупов совершил активные действия, направленные на заглаживание вреда, причинённого преступлениями, поэтому к нему должны быть применены положения ст. 64 УК РФ.

Полагает формальным указание в приговоре на положительные характеристики Юсупова и данные о его личности, которые суд не учёл, как и то, что Юсупов, являясь сиротой, не получил должного воспитания, чистосердечно раскаялся в содеянном. Кроме того, суд не дал оценки доводам стороны защиты в прениях сторон и необоснованно отказал в удовлетворении ходатайства об обращении в компетентные органы Республики Узбекистан с целью определения местоположения и вызова в суд для допроса в качестве свидетеля Х [] задержанного вместе с Юсуповым и принимавшего участие в оперативно-розыскном мероприятии. Суд не разрешил ходатайство о выдаче копии решения суда о назначении переводчика И [] и не выдал копию решения об отказе в удовлетворении ходатайства Юсупова о переводе обвинительного заключения на узбекский язык.

Приводя своё видение принципов назначения наказания и ссылаясь на ряд норм УК РФ и правовую позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, защитник полагает, что суд назначил Юсупову чрезмерно суровое наказание, которое не отвечает принципам его индивидуализации и справедливости.

В возражениях на апелляционные жалобы защитников осуждённых государственный обвинитель Метельский А.А. указывает на несостоятельность приведённых в них доводов, заявляя о допущенной им оговорке в прениях относительно квалификации действий Гримсултанова по ч. 1 вместо ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, что не влечёт за собой изменение квалификации и объёма обвинения, поскольку изначально Гримсултанову инкриминировалась ч. 3 ст. 205¹ УК РФ и в ходе своего выступления он просил признать последнего виновным в совершении именно этого преступления, о чём свидетельствует письменный текст его выступления в прениях, который приобщён к материалам дела. Просит приговор оставить без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы апелляционных жалоб, заслушав стороны, Судебная коллегия приходит к выводу о том, что Юсупов и Гримсултанов обоснованно осуждены за совершение вменённых им преступлений, а постановленный в отношении них приговор является законным, обоснованным, справедливым и отмене либо изменению не подлежит.

Вопреки доводу адвоката Кулешова, право Гримсултанова на защиту в связи с непредоставлением ему переводчика при проведении отдельных

следственных действий в ходе предварительного расследования нарушено не было.

Как усматривается из материалов дела, 26 апреля 2017 г. Гримсултанов собственноручно на русском языке исполнил ходатайство, в котором просил допросить его в качестве подозреваемого, сообщив о своём желании давать показания на русском языке, поскольку в помощи переводчика он не нуждается, в связи с чем в тот же день и 29 апреля 2017 г. он в присутствии различных защитников – адвокатов Дыдо и Архипова, участвующих в деле на основании заключённых с ними соглашений, был допрошен в данном процессуальном статусе и ознакомлен с постановлением следователя о назначении судебно-медицинской экспертизы.

Учитывая приведённое волеизъявление Гримсултанова, у должностных лиц органа предварительного следствия отсутствовали основания для предоставления ему переводчика, право воспользоваться услугами которого у него имелось, в том числе, в ходе судебных заседаний Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области 27 апреля 2017 г. и Сахалинского областного суда 11 мая того же года по вопросу избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу, однако этим правом он не воспользовался. Не высказывал Гримсултанов такой просьбы, несмотря на наличие соответствующего разъяснения в постановлении, и при привлечении его в качестве обвиняемого с участием защитника – адвоката Вершинина, о допуске которого к участию в деле он лично ходатайствовал.

Впервые о необходимости предоставления переводчика Гримсултанов заявил 6 июня 2017 г. в ходе допроса в качестве обвиняемого. Постановлениями следователя от той же даты это ходатайство удовлетворено и к участию в деле был привлечён переводчик Х [] который впоследствии участвовал в дополнительном допросе Гримсултанова в качестве обвиняемого 20 июня 2017 г., а также при его ознакомлении с постановлением о назначении судебно-медицинской экспертизы и с заключением эксперта.

Кроме того, с участием переводчика проходили заседания Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области 22 июня, 23 августа и 23 октября 2017 г., а также Сахалинского областного суда 18 июля, 5 октября и 14 ноября 2017 г. по вопросу продления срока содержания Гримсултанова под стражей.

20 октября 2017 г. переводчик Х [] был освобождён от дальнейшего участия в уголовном деле и в тот же день Гримсултанову был предоставлен переводчик М [] с участием которого тот 5 ноября 2017 г. был дополнительно допрошен в качестве обвиняемого, а 15 ноября того же года вновь обратился к следователю с письменным заявлением, изложенным на русском языке, о том, что в услугах переводчика он не нуждается и желает давать показания на русском языке.

Таким образом, Судебная коллегия приходит к выводу, что в ходе дальнейших следственных действий и судебных заседаний по вопросу продления срока содержания под стражей переводчик Гримсултанову не предоставлялся именно в связи с его волеизъявлением, а довод адвоката

Кулешова об обратном, как и о необходимости исполнения такого заявления в присутствии защитника, является ошибочным. Соответствующих ходатайств Гримсултанова, равно как и его просьб о переводе процессуальных документов и материалов дела либо сведений о применении к нему психического или физического давления при исполнении им названных заявлений, о чём голословно заявляет автор жалобы, материалы дела не содержат.

Судебное разбирательство по делу проведено объективно и всесторонне с соблюдением требований УПК РФ о состязательности и равноправии сторон и выяснением всех юридически значимых для правильного разрешения уголовного дела обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе места, времени, способа совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступлений, а сторонам суд создал необходимые условия для исполнения их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных прав, которыми они реально воспользовались.

Ошибочным является довод адвоката Кулешова о допущенном судом первой инстанции нарушении требований УПК РФ, что выразилось в не разъяснении свидетелям права на ознакомление с протоколом судебного заседания и подачу на него замечаний, поскольку согласно ст. 278 УПК РФ, регламентирующей порядок допроса свидетеля в судебном заседании, перед допросом свидетеля председательствующий должен установить его личность, выяснить отношение к подсудимому, разъяснить ему права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, о чём свидетель даёт подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания, что и было исполнено по настоящему делу.

Поскольку допрос свидетелей в судебном заседании был осуществлён с соблюдением требований УПК РФ, то их показания обоснованно признаны допустимыми доказательствами по делу, в связи с чем утверждение защитника осуждённого Гримсултанова об обратном, как и его заявление о недопустимости протокола судебного заседания в связи с этим, являются надуманными.

Правильно допустил суд в качестве защитника подсудимого Гримсултанова наряду с адвокатом гражданина К[REDACTED] а принятое по данному вопросу решение соответствует требованиям ст. 256 УПК РФ. При этом уголовно-процессуальный закон не обязывает суд выдавать какие-либо дополнительные документы, подтверждающие полномочия допущенного наряду с адвокатом защитника, о чем ошибочно заявляет адвокат Кулешов в своей апелляционной жалобе, а выписка из протокола судебного заседания с определением суда о допуске К[REDACTED] в качестве защитника была предоставлена.

Вопреки утверждениям стороны защиты, постановленный в отношении Юсупова и Гримсултанова приговор соответствует требованиям ст. 304, 307–309 УПК РФ, во исполнение которых в нём дана надлежащая правовая оценка всем исследованным по делу доказательствам, как в отдельности, так и в совокупности, указано, какие из них суд положил в основу приговора, а какие

отверг, приведены убедительные аргументы принятых решений по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, с которыми Судебная коллегия полагает необходимым согласиться.

Все представленные сторонами относимые и допустимые доказательства были исследованы, а заявленные ходатайства, в том числе упомянутые авторами жалоб, разрешены после выяснения мнений участников судебного разбирательства и исследования фактических обстоятельств дела, касающихся данных вопросов. Решения суда по этим ходатайствам сомнений в своей законности и обоснованности не вызывают.

Выводы суда первой инстанции о доказанности виновности Юсупова и Гримсултанова в инкриминируемых им преступлениях соответствуют фактическим обстоятельствам дела и основаны на согласующихся и взаимно дополняющих друг друга признательных показаниях Юсупова и Гримсултанова, данных ими во время предварительного расследования, показаниях свидетелей М [REDACTED], Ш [REDACTED], Р [REDACTED], З [REDACTED], П [REDACTED] специалиста Ч [REDACTED] вещественных доказательствах – дисках с аудиозаписями телефонных переговоров между Юсуповым и Гримсултановым, заключениях экспертов, протоколах следственных действий и других письменных документах, имеющих доказательственное значение по делу, которые подробно приведены в приговоре.

Так, из оглашённых в судебном заседании показаний Юсупова и Гримсултанова в качестве подозреваемых и обвиняемых, полученных с соблюдением их прав и реализацией права на защиту, установлено следующее.

Юсупов в своих показаниях детально описал обстоятельства знакомства с Гримсултановым и их общую приверженность радикальным взглядам на религию ислам и ведение «джихада» - войны против не исповедующих ислам лиц, а также последовательность и целенаправленность предпринятых Гримсултановым действий по убеждению его в необходимости изготовить бомбу и взорвать её в людном месте в г. Южно-Сахалинске, чтобы от взрыва погибло максимально больше людей, в целях воздействия на принятие органами власти Российской Федерации решения о выводе войск из Сирийской Арабской Республики и прекращения боевых действий против радикально настроенных мусульман в этом государстве, а также прекращения уголовного преследования жителей Российской Федерации, которые придерживавшихся радикального направления в исламе, для чего Гримсултанов предоставил ему адрес видеоролика, содержащего процедуру приготовления взрывчатого вещества и взрывного устройства. Описал Юсупов механизм приобретения и изготовления им при содействии Гримсултанова взрывчатого вещества и взрывного устройства. Последний одобрил эти его действия, а также они совместно из нескольких вариантов выбрали место взрыва – здание православного храма в г. Южно-Сахалинске, запланированного на майские праздники 2017 года.

Эти показания Юсупов подтвердил при проверке их на месте с участием защитника, в ходе которой продемонстрировал местоположения встреч с

Гримсултановым, приобретения компонентов взрывчатого вещества и взрывного устройства, а также последующего изготовления таковых, планируемого совершения взрыва.

В свою очередь, Гримсултанов, подтвердив свою приверженность идеям радикального ислама, в своих показаниях от 29 апреля и 20 июня 2017 г. подробно описал обстоятельства встреч с Юсуповым, а также оказания содействия в совершении террористического акта в г. Южно-Сахалинске посредством предоставления информации – ссылок на видеоролики с инструкциями по изготовлению самодельного взрывного устройства (далее – СВУ) и взрывчатого вещества (далее – ВВ), о выполнении этапов которого Юсупов периодически сообщал ему. Также Гримсултанов показал, что в ходе личных встреч, телефонных переговоров и общения в сети «Интернет» он одобрял действия Юсупова по изготовлению СВУ, убеждая того в правильности его действий.

В соответствии с показаниями свидетеля М [REDACTED], Юсупов работал охранником на строящемся объекте и проживал на его территории в помещении для временного проживания строителей.

Согласно протоколу обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств от 23 апреля 2017 г., по месту временного проживания Юсупова, среди прочего, были обнаружены и изъяты электродетонатор ЭДП, мобильный телефон, ряд компонентов ВВ и СВУ.

Свидетели Ш [REDACTED], Р [REDACTED], З [REDACTED] и П [REDACTED] подтвердили обстоятельства обнаружения и изъятия у Юсупова в ходе названного ОРМ, проведённого на основании решения суда, указанных предметов и веществ, о чём был составлен протокол, в котором все присутствующие поставили свои подписи. В ходе осмотра какого-либо давления на Юсупова не оказывалось, а предметы изымались в их присутствии.

Согласно показаниям специалиста Чайко и протоколу осмотра принадлежащего Юсупову мобильного телефона, соответственно, Юсупов обладает знаниями по изготовлению ВВ – «триперекись ацетона» и может его изготовить, а на видеоматериалах, содержащихся в мобильном телефоне Юсупова, изображена технология изготовления этого ВВ и способ изготовления детонатора из него.

По заключениям экспертов от 22 сентября 2017 г. № 487, от 10 ноября 2017 г. № 488, от 22 сентября 2017 г. № 489, от 10 октября и 27 ноября 2017 г., соответственно, №№ 500 и 501, изъятые у Юсупова 23 апреля 2017 г. ряд предметов в своей совокупности являются самодельным безоболочечным взрывным устройством типа мины осколочно-фугасного действия с готовыми поражающими элементами общей массой 4004 гр, пригодным для производства взрыва. Общее действие взрыва этого самодельного взрывного устройства в сборе соответствует взрыву заряда тротила (тринитротолуола) массой около 1600 гр. Ввиду недостаточных навыков Юсупов не смог изготовить пригодное для осуществления подрыва взрывного устройства детонационное устройство. У Юсупова также обнаружено инициирующее взрывчатое вещество – ТАТП (трициклоацетонтрипероксидом, триперекись

ацетона) массой 210 гр, а также компоненты, необходимые для его изготовления.

Согласно содержанию аудиозаписей телефонных переговоров, протоколов осмотра, письменных ответов от операторов сотовой связи и справки-меморандума по результатам проведения ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», Юсупов и Гримсултанов с 1 января по 23 апреля 2017 г. общались между собой, что не оспаривается стороной защиты.

Содержание этих разговоров подробно проанализировано экспертами, проводившими по делу комплексную психолого-лингвистическую судебную экспертизу, согласно заключению которой от 22 июня 2018 г. и показаниям экспертов А[] и Т[] в судебном заседании общий смысл общения Гримсултанова и Юсупова сводился как к просвещению первым последнего по вопросам радикального ислама, так и к укреплению у того решимости в изготовлении СВУ и ВВ с целью осуществления взрыва в общественном месте. В процессе этого общения Гримсултанов систематически информировал Юсупова о практической деятельности по изготовлению самодельных взрывчатых веществ, взрывных устройств и осуществления взрыва в общественном месте на территории Сахалинской области, предоставлял ему информацию для изготовления СВУ и ВВ и снабжал данными по безопасному поведению при подготовке к осуществлению взрыва, укрепляя его решимость действовать радикально. Юсупов выполнял действия, направленные на практическую реализацию изготовления средства для совершения взрыва в общественном месте, который и планировал организовать.

Положенные в основу приговора доказательства получены в установленном законом порядке, всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании, оценены судом с соблюдением требований ст. 17 и 88 УПК РФ и сомнений в своей допустимости и достоверности не вызывают.

Существенных противоречий в этих доказательствах, которые могли бы повлиять на решение вопроса о виновности осуждённых в содеянном, Судебная коллегия не усматривает, а оснований не доверять им у суда не имелось.

В судебном заседании всесторонне и полно проверялись все выдвинутые в защиту подсудимых версии, в том числе о нарушениях требований УПК РФ во время предварительного следствия, о непричастности Гримсултанова к инкриминируемому преступлению и его невиновности, которые своего подтверждения не получили, а эти утверждения стороны защиты, фактически повторенные авторами жалоб, судом справедливо признаны несостоятельными и данными с целью избежать уголовной ответственности за содеянное.

Вопреки доводу адвоката Кулешова, по ходатайству государственного обвинителя в судебном заседании были оглашены показания Гримсултанова, данные им в ходе предварительного следствия в качестве подозреваемого и обвиняемого, соответственно, 26 и 29 апреля 2017 г., 20 июня 2017 г. и 6 января 2018 г., а об оглашении иных показаний государственный обвинитель

не ходатайствовал и соответствующего решения об этом суд не принимал. В свою очередь, сторона защиты о необходимости оглашения каких-либо иных показаний Гримсултанова, в том числе по окончании судебного следствия, не заявляла.

Мотивированный и не вызывающий сомнений в своей правильности анализ дан судом доводу стороны защиты о том, что показания в ходе предварительного следствия Гримсултанов давал под давлением.

Этот довод стороны защиты, повторенный адвокатом Кулешовым в его апелляционной жалобе, признан голословным и не соответствующим действительности, поскольку признательные показания в ходе предварительного следствия Гримсултанов в каждом случае давал в присутствии различных защитников – адвокатов Дыдо, Архипова и Вершинина, участвующих в деле на основании заключенных с ними соглашений, в условиях, исключающих применение к нему недозволенных методов, с разъяснением ему процессуальных прав, в том числе не свидетельствовать против себя самого, и предупреждением о том, что в случае согласия дать показания они могут быть использованы в качестве доказательств даже при последующем отказе от этих показаний. Заявлений или замечаний с его стороны к содержанию протоколов допроса, которые он и его защитники подписали, удостоверяя правильность зафиксированных в них сведений, не имели.

Судом по данному обстоятельству был допрошен следователь У [] который подтвердил соблюдение требований законодательства и прав Гримсултанова при выполнении с ним процессуальных и следственных действий, в ходе которых последний никаких заявлений относительно применения к нему непроцессуальных методов воздействия не сделал.

В этой связи обоснованной является ссылка в приговоре на постановление следователя от 5 декабря 2018 г., в соответствии с которым по результатам инициированной судом по ходатайству стороны защиты проверки было отказано в возбуждении уголовного дела по сообщению Гримсултанова о совершении в отношении подсудимых сотрудниками ФСБ России преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

О том, что при проведении в отношении него 26 апреля 2017 г. судебно-медицинской экспертизы он не заявлял эксперту о применении к нему какого-либо насилия, Гримсултанов подтвердил также в суде первой инстанции.

Исходя из конкретных фактических обстоятельств дела и совокупности исследованных доказательств оснований для удовлетворения ходатайств стороны защиты об истребовании в подразделении ФСБ РФ сведений о том, кем, когда и с какого устройства были сделаны записи на имеющийся в деле диск и о назначении по делу аудиотехнической экспертизы не имелось.

Не усматривается нарушений и в том, что на компакт-диск были записаны не все телефонные разговоры между Гримсултановым и Юсуповым в анализируемый период, а лишь те, о приобщении к материалам дела которых принял решение следователь в соответствии с полномочиями,

предусмотренными п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Возможное расхождение длительности телефонных разговоров, записанных на диск, и сведений об их длительности, предоставленных оператором сотовой связи, об их фальсификации не свидетельствует, поскольку действующий уголовно-процессуальный закон не обязывает следователя выполнять запись телефонных соединений в полном объёме.

Вопреки доводам адвоката Кулешова, комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза по делу проведена с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» полномочными и компетентными экспертами, которым следователем и было поручено её проведение, а оснований сомневаться в квалификации экспертов и научной обоснованности и аргументированности сформулированных ими выводов не имеется.

Из вводной части заключения экспертов усматривается, что оба эксперта имеют высшее образование, учёные степени (кандидат и доктор наук), учёные звания (доцент), обладают значительным опытом работы по специальности (16 и 38 лет). Экспертам были разъяснены их права, регламентированные ст. 57 УПК РФ, они были предупреждены об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 УК РФ. При этом сама структура заключения свидетельствует о том, что экспертами обоснованно приведены именно выдержки из анализируемых разговоров Юсупова и Гримсултанова.

Допрошенные в судебном заседании эксперты А [] и Т [] подтвердили свою компетенцию и полномочия на производство порученной им экспертизы, а также выводы, сформулированные ими на основании всестороннего и научно обоснованного исследования всей совокупности представленных материалов, полно и исчерпывающе ответили на заданные им вопросы, в связи с чем утверждение адвоката Кулешова об обратном является ошибочным и не соответствует действительности.

Довод защитника о необоснованности поручения экспертного исследования сотрудникам ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» при наличии в г. Южно-Сахалинске экспертных учреждений Министерства юстиции РФ и Министерства внутренних дел РФ является несостоятельным, поскольку в экспертно-криминалистическом центре Управления Министерства внутренних дел РФ по Сахалинской области и в Сахалинской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РФ отсутствуют эксперты в соответствующей области научного знания.

Заключение комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы правильно признано судом относимым и допустимым доказательством по делу, а в удовлетворении соответствующего ходатайства стороны защиты, как и в назначении по делу повторной экспертизы, отказано, о чём судом вынесены мотивированные определения, которые были оглашены в судебном заседании в присутствии сторон. Не направление стороне защиты принятого судом решения по данному ходатайству нарушением уголовно-процессуального закона не является.

В связи с изложенным не подлежит удовлетворению аналогичное ходатайство стороны защиты Гримсултанова о признании недопустимым доказательством упомянутого заключения экспертов, заявленное в апелляционной жалобе.

Правильным является отказ суда в удовлетворении ходатайства стороны защиты о вызове в качестве специалиста муфтия для пояснений содержания разговора между Гримсултановым и Юсуповым и используемых ими религиозных терминов, поскольку специалист не вправе давать пояснения по вопросам, связанным с производством экспертизы.

Верно оценил суд показания Юсупова о непричастности Гримсултанова к инкриминируемому преступлению, которые опровергаются совокупностью согласующихся между собой и положенных в основу приговора доказательств, свидетельствующих об обратном.

Ссылка следователя в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 5 декабря 2019 г. на протоколы судебных заседаний, а также направление в следственный орган соответствующих выписок из этого протокола о нарушении судом при рассмотрении уголовного дела принципов состязательности и равноправия сторон не свидетельствует.

Что касается доводов адвоката Кулешова об обязательности использования протокола судебного заседания при вынесении приговора, то они не основаны на требованиях ст. 259 и гл. 39 УПК РФ, согласно которым протокол судебного заседания должен быть изготовлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания в течение 3 суток со дня окончания заседания, а в протоколе отражаются, в том числе, сведения об оглашении приговора и иные вопросы, когда как в приговоре должен быть приведён анализ и оценка исследованных по делу доказательств, к которым протокол судебного заседания не относится, и разрешены иные вопросы.

При этом ч. 7 ст. 259 УПК РФ содержит дополнительные гарантии прав участников судебного разбирательства на ознакомление с протоколом судебного заседания в случае, если протокол в силу объективных обстоятельств изготовлен по истечении 3 суток со дня окончания судебного заседания, допуская тем самым возможность изготовления протокола судебного заседания в больший, чем предусмотренный ч. 6 ст. 259 УПК РФ, срок.

Как усматривается из материалов дела, данные гарантии судом реализованы и стороне защиты предоставлено достаточное время для ознакомления с протоколом судебного заседания, с которым и с материалами уголовного дела она была ознакомлена в помещении Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда без ограничения во времени, в связи с чем доводы авторов жалоб об обратном являются надуманными.

Протокол судебного заседания полностью соответствует предъявляемым к нему требованиям и отражает все предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 259 УПК РФ обстоятельства, как они имели место в ходе судебного разбирательства, а его содержание свидетельствует о том, что доводы стороны защиты, высказанные в ходе прений, рассмотрены судом надлежащим образом.

Излагать в приговоре все тезисы выступлений защитников в ходе прений сторон и давать им оценку уголовно-процессуальный закон суд не обязывает.

Верным является вывод суда о том, что Гримсултанов был задержан 25, а не 24 апреля 2017 г. Данные обстоятельства подтвердили также свидетели П [] и У [] первый из которых именно в указанный день доставлял последнего к следователю, а второй проводил процессуальные действия с участием Гримсултанова.

Утверждения Гримсултанова о задержании его 24 апреля 2017 г. также опровергли в суде свидетели К [], С [] и Ф [].

Вопреки доводу адвоката Кулешова, материалы проверки, проведенной УМВД России по г. Южно-Сахалинску по обращению Гримсултанова А.К. о пропаже его брата, не содержат указания на дату задержания осужденного, а в постановлении от отказе в возбуждении уголовного дела от 26 апреля 2017 г. лишь констатировано, что на дату вынесения этого постановления последний был задержан за совершенное преступление и содержится в ИВС, что подтверждается также сводкой ИВС и согласуется с соответствующими протоколами.

Оснований для признания недопустимыми доказательствами протоколов задержания и допроса подозреваемого Гримсултанова по мотивам, указанным адвокатом Кулешовым, не имелось и не имеется, а названные протоколы и содержащиеся в них сведения правильно оценены судом.

Несогласие стороны защиты с положенными в основу приговора доказательствами, как и с приведенной в приговоре их оценкой, не может свидетельствовать о несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного заседания, недоказанности виновности осужденных, мотива содеянного ими и неправильном применении уголовного закона.

Таким образом, объективный анализ и основанная на законе оценка совокупности исследованных в судебном заседании доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности позволили суду опровергнуть версии подсудимых, приводимые ими в свою защиту, правильно установить фактические обстоятельства совершенных Юсуповым и Гримсултановым преступлений и квалифицировать их действия: Юсупова – по ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ), по ч. 1 ст. 222¹ и ч. 1 ст. 223¹ УК РФ; Гримсултанова – по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ (в редакции Федерального закона от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ).

Довод адвоката Кулешова о том, что действия Гримсултанова необоснованно квалифицированы как оконченное преступление без ссылки на ст. 33 УК РФ, а в приговоре, кроме того, не указан момент окончания его преступных действий, является несостоятельным.

Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, согласно которым ст. 205¹ УК РФ дополнена частью третьей, предусматривающей уголовную ответственность за пособничество в совершении преступления,

предусмотренного ст. 205 УК РФ, а примечание к ст. 205¹ УК РФ дополнено пунктом 1.1, раскрывающим понятие пособничества в настоящей статье УК РФ.

Таким образом, с момента вступления в законную силу этих изменений в УК РФ – с 24 декабря 2010 г. пособничество в совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, образует окончанный состав преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, в связи с чем действия Гримсултанова квалификации со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ не подлежат.

Поскольку Юсупов и Гримсултанов совершили самостоятельные преступления, мнение адвоката Кулешова о необходимости переквалифицировать содеянное Гримсултановым с учётом положений ч. 3 и 5 ст. 34 УК РФ на неоконченное преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ и которое совершил Юсупов, не основано на требованиях уголовного закона.

Допущенная государственным обвинителем в ходе прений сторон оговорка о том, что Гримсултанова следует признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, а не ч. 3 той же статьи, с учётом ранее сказанного государственным обвинителем в прениях и содержания его выступления с репликой, не является изменением им обвинения в сторону смягчения. Кроме того, о необходимости квалификации действий Гримсултанова именно по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ указано в письменных тезисах выступления государственного обвинителя в прениях, приобщённых к материалам дела, которыми располагал суд при вынесении приговора по делу.

Довод адвоката Кулешова о недопустимости использования в приговоре формулировок о квалификации содеянного подсудимыми основан на ошибочном понимании защитником требований уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, согласно которым только суд, а не иной орган власти, отправляя правосудие по уголовному делу, при постановлении приговора разрешает вопросы о доказанности преступления, в котором обвиняется подсудимый, о причастности подсудимого к совершению этого преступления, о виновности лица в совершении преступления, о квалификации содеянного и какое наказание должно быть назначено подсудимому.

Данных, ставящих под сомнение вменяемость осуждённых, судом не установлено.

Наказание Юсупову и Гримсултанову назначено в соответствии с требованиями закона, с учётом характера и степени общественной опасности содеянного, конкретных обстоятельств дела, данных о их личности, в том числе тех, на которые ссылается сторона защиты, смягчающих и отягчающего наказание обстоятельств, влияния назначенного наказания на исправление осуждённых и на условия жизни их семей.

В качестве обстоятельств, смягчающих наказание осуждённых, суд признал: Гримсултанову – его первое привлечение к уголовной ответственности, положительные характеристики, состояние здоровья его

супруги, активное способствование раскрытию и расследованию преступлений на первоначальном этапе расследования; Юсупову – его активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличение и уголовное преследование другого соучастника преступления, а также то, что к уголовной ответственности он привлекается впервые, по месту жительства и работы характеризовался положительно, частично признал свою вину.

Вопреки мнению защитника Гримсултанова, государственный обвинитель в прениях просил признать обстоятельством, отягчающим наказание Юсупова и Гримсултанова, совершение ими преступлений по мотивам религиозной вражды, что прямо предусмотрено п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, которое суд обоснованно признал в качестве такового каждому из осуждённых.

Мотивированными являются выводы суда об отсутствии оснований для изменения категорий совершенных преступлений на менее тяжкие и о возможности применения к Юсупову положений ст. 64 УК РФ в части неприменения дополнительного наказания в виде штрафа, предусмотренного санкциями ч. 1 ст. 222¹ и ч. 1 ст. 223¹ УК РФ в качестве обязательного.

Судебная коллегия также учитывает, что ч. 3 ст. 64 УК РФ содержит прямой запрет на назначение наказания ниже низшего предела или иного, более мягкого наказания, за совершение преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, в котором и признан виновным Юсупов, а поэтому соответствующий довод защитника последнего не основан на законе.

Оснований для признания чрезмерно суровыми назначенных Гримсултанову и Юсупову наказаний Судебная коллегия не усматривает и считает их справедливыми.

Нарушений норм уголовно-процессуального и уголовного закона, которые повлияли бы на выводы суда о виновности осуждённых и послужили основанием для отмены или изменения приговора суда, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства не допущено.

Руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 389²⁰, ст. 389¹³, 389¹⁴, 389²⁸ и 389³³ УПК РФ, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

определила:

приговор Дальневосточного окружного военного суда от 24 января 2019 г. в отношении Юсупова Руслана Шавкатовича и Гримсултанова Магомеда Каимовича оставить без изменения, апелляционные жалобы защитников – адвокатов Решетника О.П. и Кулешова А.И. без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи